

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
16 October 2019
Russian
Original: English

Совет по правам человека

Сороковая сессия

25 февраля – 22 марта 2019 года

Пункт 3 повестки дня

**Поощрение и защита всех прав человека,
гражданских, политических, экономических,
социальных и культурных прав,
включая право на развитие**

Право на неприкосновенность частной жизни

Доклад Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни*

Резюме

В своем докладе, подготовленном в соответствии с резолюциями 28/16 и 37/2 Совета по правам человека, Специальный докладчик по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни основное внимание уделяет вопросам контроля за разведывательной деятельностью и отсылает к первому докладу о ходе работы по вопросам неприкосновенности частной жизни и гендерного равенства Целевой группы по вопросам неприкосновенности частной жизни и развития личности и Целевой группы по вопросам конфиденциальности медицинских данных.

* Настоящий доклад был представлен после установленного предельного срока в связи с необходимостью включения в него самой последней информации.

Содержание

	<i>Стр.</i>
I. Обзор деятельности	3
II. неприкосновенность частной жизни в контексте	4
III. Безопасность и слежка	8
IV. Право на неприкосновенность частной жизни: гендерная перспектива	12
V. Выводы	19
VI. Сводные рекомендации	20
VII. Защита медицинских данных	21
VIII. неприкосновенность частной жизни: контрольные показатели	26

I. Обзор деятельности

1. С марта 2018 года Специальный докладчик по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни работал над выполнением своего мандата, изучая соответствующую информацию, в том числе проблемы, связанные с новыми технологиями; проводя официальные и «неофициальные» поездки в страны; содействуя защите права на неприкосновенность частной жизни; пропагандируя принципы неприкосновенности частной жизни; содействуя проведению международных мероприятий в целях поощрения согласованного подхода к обеспечению права на неприкосновенность частной жизни; повышая информированность о праве на неприкосновенность частной жизни и эффективных средствах правовой защиты; и сообщая о предполагаемых нарушениях.

2. В октябре 2018 года Специальный докладчик представил Генеральной Ассамблее доклад о больших массивах данных и открытых данных (A/73/438).

3. За период после представления ежегодного доклада Совету по правам человека за 2018 год (A/HRC/37/62) Специальный докладчик проделал следующую работу:

a) вместе с председателями целевых групп содействовал работе пяти тематических целевых групп по большим и открытым данным; медицинским данным; неприкосновенности частной жизни и развитию личности; безопасности и слежке; и использованию личных данных корпорациями;

b) подготовил в общей сложности 24 сообщения государствам-членам, затрагивающих вопросы, имеющие отношение к праву на неприкосновенность частной жизни, а также 14 пресс-релизов и заявлений¹;

c) совершил официальные поездки в Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии (июнь 2018 года) и Германию (ноябрь 2018 года);

d) подготовил международные доклады и другие документы²;

e) консультировал целый ряд органов, например Ирландский совет по гражданским свободам; Союз гражданских свобод Японии; Японскую федерацию ассоциаций адвокатов; Организацию «Прайвеси интернэшнл»; и Комиссию по правам человека Северной Ирландии; и участвовал в многочисленных мероприятиях, в частности в рамках Форума по вопросам управления Интернетом и правозащитной конференции «RightsCon»;

f) обменивался информацией с органами власти (на национальном и субнациональном уровнях); уполномоченными по вопросам защиты данных и неприкосновенности частной жизни; Председателем Рабочей группы Европейского союза по защите данных, созданной в соответствии со статьей 29 Директивы о защите данных; Председателем Консультативного комитета Конвенции Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера (Конвенция 108); организациями, занимающимися вопросами стандартизации, такими как Международный союз электросвязи; Институтом инженеров по электротехнике и электронике; организациями гражданского общества; Постоянными представительствами при Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве; мандатариями специальных процедур, Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека; исследователями; учеными; и профессиональными организациями.

¹ Совместно с другими специальными докладчиками было подготовлено в общей сложности 18 писем и 6 пресс-релизов.

² См. www.ohchr.org/Documents/Issues/Privacy/SR_Privacy/2019_HRC_Annex1_Keynotes.pdf.

II. Неприкосновенность частной жизни в контексте

4. Право на неприкосновенность частной жизни может способствовать пользованию другими правами человека. Аналогичным образом его нарушения ограничивают возможность пользоваться другими правами человека.

5. Имеется несколько исторических примеров ратификации государствами – членами международных договоров о правах человека при отсутствии у них истинного желания принимать необходимые меры по их осуществлению. Одной из таких стран является Германская Демократическая Республика, которая 8 ноября 1973 года ратифицировала Международный пакт о гражданских и политических правах, взяла на себя обязательство уважать, в частности, право на неприкосновенность частной жизни (статья 17), сохраняя при этом систему слежки, известную своими массовыми и систематическими нарушениями права на неприкосновенность частной жизни большого числа граждан.

6. К сожалению, Специальный докладчик часто сталкивается с аналогичными противоречиями и сегодня: хотя большинство государств-членов недвусмысленно обязуются защищать право на неприкосновенность частной жизни, многие из них своими действиями все чаще ставят его под сомнение, применяя новые технологии, несовместимые с правом на неприкосновенность частной жизни, например большие данные и медицинские данные, унижая достоинство своих граждан, связанное с их полом или гендерной идентичностью и самовыражением, и произвольно ведя слежку за своими собственными гражданами.

7. Право на самоопределение, провозглашенное в пункте 1 статьи 1 Международного пакта о гражданских и политических правах, позволяет всем народам определять свой политический статус и беспрепятственно идти по пути развития. Аналогичным образом все основные свободы, закрепленные в Пакте, включая право на свободу передвижения (статья 12) или свободу ассоциации (статья 22), право на свободу религии (статья 18), право на свободу выражения мнений (статья 19) и право на неприкосновенность частной жизни (статья 17), защищают право всех лиц на личную независимость. Право гражданина выбирать, что, когда, где и как делать, с кем быть и что думать и говорить, является частью неотъемлемых прав, которые страны согласились защищать в соответствии с Пактом.

8. Право на неприкосновенность частной жизни является неотъемлемой частью обсуждения вопроса о личной независимости. Еще в 1976 году Пол Сигарт выявил следующие связи между неприкосновенностью частной жизни, потоками информации, независимостью и властью:

В обществе, где современные информационные технологии развиваются быстрыми темпами, наши действия могут стать известны многим. Это, в свою очередь, может ограничить нашу свободу действовать по собственному усмотрению, поскольку как только о наших действиях узнают другие, они могут подумать, что в их интересах или в интересах общества, или даже в наших собственных интересах было бы отговорить нас, помешать нам или даже запретить нам делать то, что мы хотим, и попытаться путем манипуляций заставить нас делать то, что хотят они³.

9. Специальный докладчик увязывает эту позицию с неприкосновенностью частной жизни следующим образом:

Человек, лишенный оболочки конфиденциальности, скрывающей его от посторонних глаз, становится беззащитным и легко поддается манипулированию. Лицо, которым можно манипулировать, находится в руках тех, кто владеет информацией о нем, и его свобода, которая зачастую является

³ Paul Sieghart, *Privacy and Computers* (London, Latimer New Dimensions, 1976), p. 24.

в лучшем случае относительной, сужается прямо пропорционально количеству вариантов и альтернатив, которые оставляют ему те, кто владеет информацией⁴.

10. Вот почему неприкосновенность частной жизни так тесно связана с реальной личной независимостью. Нарушение неприкосновенности частной жизни зачастую происходит в рамках системы, угрожающей и другим свободам. Нередко это делается государственными субъектами для получения и сохранения власти, а также негосударственными субъектами, например отдельными лицами или корпорациями, желающими сохранить контроль над другими. Именно поэтому во многих случаях Специальный докладчик должен анализировать, как нарушения права на неприкосновенность частной жизни связаны с другими нарушениями.

Неприкосновенность частной жизни как ограниченное право и необходимый стандарт в демократическом обществе

11. Право на неприкосновенность частной жизни носит не абсолютный, а ограниченный характер. Оно может быть ограничено, но эти ограничения должны устанавливаться очень аккуратно. В соответствии со стандартом, закрепленным в статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, вмешательство в частную жизнь допускается международным правом прав человека только в том случае, если оно не является произвольным или незаконным. Комитет по правам человека в своем замечании общего порядка № 16 (1988) о праве на личную жизнь пояснил, что термин «незаконное» означает, что любое вмешательство должно быть предусмотрено законом и что сам закон должен соответствовать положениям, целям и задачам Пакта. Понятие произвольности, по мнению Комитета, призвано обеспечить, чтобы даже вмешательство, допускаемое законом, соответствовало положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае являлось обоснованным в конкретных обстоятельствах.

12. В своем замечании общего порядка № 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государства – участники Пакта, Комитет по правам человека указывает, что государства-участники обязаны воздерживаться от нарушения прав, признаваемых в Пакте, и любое ограничение любого из этих прав должно быть допустимым соответствующими положениями Пакта. Когда такие ограничения имеют место, государства обязаны доказывать их необходимость и принимать только такие меры, которые требуются для достижения законных целей с точки зрения обеспечения непрерывной и эффективной защиты прав по Пакту. Комитет подчеркивает, что ни при каких обстоятельствах ограничения не могут применяться или осуществляться таким образом, чтобы это нарушало существо признанного в Пакте права.

13. Термин «необходимы в демократическом обществе» прямо упоминается в двух статьях Международного пакта о гражданских и политических правах: в статье 21 (право на мирные собрания) и статье 22 (свобода ассоциации), но не в статье 17.

14. В пункте 2 статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о защите прав человека) конкретно прописан характер ограничения:

Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случая, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

⁴ Joseph A. Cannataci, *Privacy and Data Protection Law: International Development and Maltese Perspectives* (Oslo, Norwegian University Press, 1986), p. 60.

15. Демократия была названа частью контекста, необходимого для осуществления прав человека, во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, в статье 29 которой фигурирует понятие «общее благосостояние в демократическом обществе». Контакты между авторами и подписантами Европейской конвенции по правам человека, принятой в 1950 году, и авторами Международного пакта о гражданских и политических правах продолжались на протяжении большей части 15 лет, вплоть до подписания последнего в 1966 году. Понятие «необходимости в демократическом обществе», присутствующее по меньшей мере в шести статьях Европейской конвенции, в том числе в упомянутой выше статье 8, впоследствии нашло отражение в Пакте, и наилучшим образом оно иллюстрировано в пункте 1 статьи 22:

Пользование этим правом не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусматриваются законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц.

16. Статья 22, однако, касается свободы собраний, а не права на неприкосновенность частной жизни. Хотя объяснять, почему формулировка «необходимы в демократическом обществе» фигурирует в статьях 21 и 22, а не в статье 17, должны историки, изучающие, как проходила работа над Всеобщей декларацией прав человека и Международным пактом о гражданских и политических правах, Специальный докладчик должен, насколько это возможно, применять тот же стандарт, а именно исходить из того, что это право может быть ограничено только мерами, предусмотренными законом (пункт 2 статьи 17), и что такие меры должны быть необходимы в демократическом обществе, соответствующим образом истолковывая понятие «произвольное или незаконное вмешательство» в духе статей 14, 21 и 22 Пакта.

17. Такое толкование согласуется с пунктом 2 резолюции 34/7 Совета по правам человека, в котором подтверждается, что государства должны обеспечивать, чтобы любое вмешательство в право на неприкосновенность частной жизни отвечало принципам законности, необходимости и пропорциональности, если пользоваться терминологией Комитета по правам человека (CCPR/C/USA/CO/4, пункт 22).

18. Таким образом, оценка законности вмешательства в право на неприкосновенность частной жизни должна проводиться на основе следующих четырех важнейших критериев: а) принимаемые меры не могут быть произвольными и должны быть предусмотрены законом; б) меры должны преследовать не любые цели, а лишь те, которые необходимы в демократическом обществе; в) меры должны приниматься исключительно в интересах «государственной или общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других лиц»; и d) меры должны быть соразмерны угрозе или риску, на противодействие которым они направлены.

19. Двуетный критерий – «необходимости» и «необходимости в демократическом обществе» – крайне важен для оценки любой меры, принимаемой государством-членом, которая может признана нарушающей неприкосновенность частной жизни. Эти критерии также должны приниматься во внимание при рассмотрении нарушений других прав, осуществление которых зависит от права на неприкосновенность частной жизни.

20. Контекст частной жизни и связь между автономией, неприкосновенностью частной жизни и необходимыми мерами в демократическом государстве объясняют, почему Специальный докладчик отдает приоритет государствам с прочными демократическими институтами и гарантиями, поскольку именно в этих условиях выше вероятность того, что его вмешательство окажет позитивное воздействие на осуществление права на неприкосновенность частной жизни. В странах, где демократические гарантии слабее, он пытается определить возможности для конструктивного вмешательства.

21. В 2019 и 2020 годах Специальный докладчик будет уделять больше внимания Африке, Азии и Южной Америке, запланировав по одной поездке в каждый из этих

регионов; в то же время он будет продолжать следить за ситуацией в других странах, в том числе при содействии гражданского общества. Это ни в коей мере не свидетельствует о его безразличии к опыту обеспечения неприкосновенности частной жизни в других регионах мира. Специальный докладчик не может изучать этот опыт достаточно подробно или так, как ему хотелось бы в силу трех факторов: времени, ресурсов и возможностей для проведения содержательных расследований на местах. Таким образом, Специальный докладчик будет продолжать следить за положением в тех государствах, где «власть закона» подменяется «законом власти» и где закон становится инструментом контроля и угнетения со стороны режима. Он проведет оценку разрабатываемого в регионе Ближнего Востока и Северной Африки законодательства по вопросам киберпреступности, которое может стать угрозой для реализации права на неприкосновенность частной жизни⁵.

Неприкосновенность частной жизни, технологии и другие права человека с гендерной точки зрения

22. В настоящем докладе представлены первые результаты текущей работы Специального докладчика по вопросу о неприкосновенности частной жизни и гендерной проблематике. Целевая группа по вопросам неприкосновенности частной жизни и развития личности продолжит свою работу над связью между неприкосновенностью частной жизни и равенством полов независимо от того, какую форму она принимает и в чем она выражается. В дополнение к консультациям по докладу⁶ Специальный докладчик планирует в течение следующих трех лет уделять больше внимания этой области, в том числе связи между неприкосновенностью частной жизни, независимостью и системой мужской опеки, которая в той или иной степени существует в ряде стран.

23. Государствам-членам, желающим принять участие в консультациях по вопросам неприкосновенности частной жизни и гендерного равенства, следует выразить свой интерес до 31 марта 2019 года.

Неприкосновенность частной жизни и медицинские данные

24. В настоящем докладе также содержится подробная информация о продолжающейся работе Специального докладчика по вопросу о неприкосновенности частной жизни и медицинских данных. Как и в работе по гендерной проблематике, в этой области возникают новые серьезные проблемы, связанные, например, с работами в области генетики, исследованиями генома и биобанкингом. Специальный докладчик задается вопросом, является ли необходимым и оправданным сбор данных ДНК всего населения той или иной страны. Мандат Специального докладчика предусматривает взаимодействие по этим вопросам с государствами, законодательно регламентирующими такую деятельность.

25. Целевая группа по вопросам конфиденциальности медицинских данных выявила широкий круг вопросов, касающихся суверенитета над местными данными, заключенных, судебно-экспертных баз данных, «умных» имплантированных медицинских устройств, устройств/протезов, которые постоянно передают реальные данные обратно компаниям, в частности превращая человеческий организм в источник данных, пригодных для использования в судебных процессах, и искусственного интеллекта/машинного самообучения и автоматизированной обработки. Эти вопросы будут рассмотрены в ходе консультаций в 2019 году.

⁵ Wafa Ben-Hassine and Dima Samaro, «Restricting cybersecurity, violating human rights: cybercrime laws in MENA region», Open Global Rights, 10 January 2019.

⁶ См. www.ohchr.org/Documents/Issues/Privacy/SR_Privacy/2019_HRC_Annex2_GenderReport.pdf.

III. Безопасность и слежка

26. Появлением своего мандата Специальный докладчик обязан международному ажиотажу, вызванному разоблачениями Эдварда Сноудена, который раскрыл методы работы разведывательных служб, в частности по защите национальной безопасности.

27. В целях укрепления гарантий невмешательства в частную жизнь со стороны разведывательных органов Специальный докладчик выступил инициатором проведения Международного форума по надзору за разведывательной деятельностью, который провел конференции в Бухаресте в 2016 году, Брюсселе в 2017 году и Валлетте в 2018 году. После конференции 2018 года Специальный докладчик отметил следующее:

а) недавние региональные инициативы, такие как Общий регламент Европейского союза по защите данных⁷ (вступивший в силу 25 мая 2018 года) и Директива о полиции⁸ (вступившая в силу 6 мая 2018 года), несмотря на их важность, недостаточны для того, чтобы распространить требования о защите неприкосновенности частной жизни на сферу национальной безопасности, в том числе для обеспечения надзора за разведывательной деятельностью, осуществляемой в целях национальной безопасности⁹;

б) официально объявленная 10 октября 2018 года новая глобальная инициатива по обновлению Конвенции 108¹⁰, в которой приняли участие 70 из 193 государств – членов Организации Объединенных Наций, получила высокую оценку благодаря новой статье 11, представляющей собой свод принципов и гарантий высокого уровня, которые, в отличие от требований Общего регламента по защите данных, также применимы к деятельности, осуществляемой в интересах национальной безопасности.

28. В своем докладе Генеральной Ассамблее за 2018 год (A/73/438) Специальный докладчик рекомендовал призвать все государства-члены ратифицировать обновленную Конвенцию (Конвенцию 108+). В контексте надзора за разведывательной деятельностью и деятельностью по защите национальной безопасности, которая может быть сопряжена с вмешательством в частную жизнь, незамедлительное применение государствами – членами Организации Объединенных Наций стандартов и гарантий, изложенных в статье 11 Конвенции 108+, станет правильным шагом для защиты основного права на неприкосновенность частной жизни.

29. Эти ключевые гарантии и стандарты, в частности гарантии и стандарты соразмерности и необходимости, легли в основу двух знаковых решений Европейского суда по правам человека, вынесенных в 2018 году и тесно связанных с деятельностью специальных служб – решений по делу *«Центр правосудия» против Швеции (Centrum för Rättvisa v. Sweden)* от 19 июня 2018 года и по делу *«Биг бразер уотч» и др. против Соединенного Королевства (Big Brother Watch and others v. the United Kingdom)* от 13 сентября 2018 года.

30. Эти решения могут иметь глобальные последствия с учетом широкого членского состава Совета Европы, насчитывающего 47 государств-членов, и глобального охвата деятельности разведывательных служб из этого региона.

31. Специальный докладчик выступает за строгое применение в демократическом обществе критериев соразмерности и необходимости в качестве важного контрольного показателя, имеющего глобальные последствия. Ужесточение

⁷ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016.

⁸ Directive (EU) 2016/680 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016.

⁹ Европейский союз не обладает компетенцией в области национальной безопасности, и поэтому он не может надлежащим образом распространить действие положений о защите частной жизни на деятельность в этой области, в том числе обеспечить надзор за разведывательной деятельностью в целях национальной безопасности.

¹⁰ Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера.

стандартов в Европе может оказывать влияние на деятельность разведывательных служб в других регионах. Таким образом, проводимый спецслужбами анализ с использованием личной информации и других персональных данных, передаваемых из Европы и в Европу, должен соответствующим образом строго контролироваться, с тем чтобы обеспечить соблюдение стандартов уважения частной жизни в Европе и служить примером надлежащей практики и образцом для подражания во всем мире.

32. Важно отметить, что критерий «демократическое общество» является важнейшим элементом при оценке правовой защиты, предоставляемой в любом из государств – членов Организации Объединенных Наций. Ряд новых технологий, в частности Интернет, смартфоны, аналитика больших массивов данных, портативные электронные устройства, «умная» энергетика и «умные» города, делают отдельных лиц и общины более уязвимыми для слежки со стороны государства за корпорациями в своих странах, а также со стороны разведывательных служб иностранных государств и корпораций.

33. Появление у государств возможностей использовать новые технологии подобным образом представляет собой серьезную угрозу для неприкосновенности частной жизни и других прав человека, таких как свобода выражения мнений, свобода ассоциации и свобода религии или убеждений. Индивидуальные и кумулятивные возможности этих технологий позволяют государству внимательно отслеживать и анализировать поведение людей новыми способами и в беспрецедентных масштабах.

34. Эти технологии могут быть использованы для нарушения прав человека и подрыва демократии. Демократия может быть несовершенным механизмом, но исторически именно она обеспечивает наилучшие условия для защиты прав человека. Влияние на демократию, таким образом, становится ключевым базовым показателем при оценке мер вмешательства в частную жизнь.

35. Специальный докладчик будет продолжать осуществлять свой глобальный мандат в сотрудничестве со всеми государствами-членами, даже если ему известно, что на успех сотрудничества и, в конечном счете, на уважение права на неприкосновенность частной жизни можно с большей вероятностью рассчитывать в тех странах, где существуют прочные демократические институты и гарантии.

36. На протяжении 2018 года главное внимание привлекал вопрос о том, что происходит с результатами анализа оперативной информации, содержащей персональные данные, когда спецслужбы или правоохранительные органы одной страны обмениваются ими со своими коллегами в других странах. Защищены ли данные и, следовательно, неприкосновенность частной жизни соответствующих лиц в получающем их государстве теми же стандартами, что и в государстве, передающем данные? Важность этого вопроса требует принятия рекомендованных мер.

37. 14 ноября 2018 года пять надзорных органов из Бельгии, Дании, Нидерландов, Норвегии и Швейцарии – все они являются участниками Конвенции 108 и поэтому связаны ее положениями, налагающими ограничения на использование личных данных в интересах национальной безопасности, – опубликовали совместное заявление о потенциальном пробеле в сфере надзора и путях устранения этой угрозы в процессе надзора за международным обменом данными органами разведки и безопасности¹¹. Это является важным и отрадным событием, привлечшим внимание международного сообщества.

38. Участники Международного форума по надзору за разведывательной деятельностью 2018 года сочли эту инициативу важным параллельным событием на пути к созданию Совета по контролю и обзору деятельности органов, отвечающих за надзор за работой разведывательных служб в рамках Альянса «Пять глаз», в который входят Австралия, Канада, Новая Зеландия, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты. Специальный докладчик приветствует создание и деятельность Совета, особенно с учетом местоположения и глобального влияния пяти государств, входящих в этот альянс. Начиная с 2013 года каждое из этих государств провело

¹¹ См. <https://english.ctivd.nl/documents/publications/2018/11/14/index>.

законодательную реформу в целях укрепления надзора и гарантий неприкосновенности частной жизни в связи с деятельностью спецслужб в сфере национальной безопасности и других областях. Реформы в некоторых из этих государств были более всеобъемлющими, чем в других; австралийское законодательство, которое было принято последним, было сочтено мандатарием вызывающим озабоченность с точки зрения гарантий неприкосновенности частной жизни¹².

39. Управление Комиссара следственных органов Соединенного Королевства выступило с заявлением¹³, в котором приветствовало заявление надзорных органов Бельгии, Дании, Нидерландов, Норвегии и Швейцарии. Географическое положение Управления дает ему возможность и, возможно, даже налагает на него особую ответственность служить связующим звеном между надзорными органами континентальной Европы и теми органами, которые сотрудничают в рамках Совета.

40. Специальный докладчик будет оказывать содействие и поддержку этой и другим инициативам в той мере, в какой они ведут к закреплению международных правозащитных стандартов и гарантий, касающихся обмена персональными данными между спецслужбами и правоохранительными органами разных стран.

41. Надзор за разведывательной деятельностью был главной темой вклада Специального докладчика в работу Европейского совета по защите данных в ходе рассмотрения им вопроса об адекватности национального законодательства и гарантий в Японии. Представленные Специальным докладчиком материалы и доказательства стали предметом обсуждения, по итогам которого 5 декабря 2018 года временно был отклонен¹⁴ вывод о том, что японские законы и гарантии отвечают требованиям.

42. В сентябре 2018 года Европейский суд по правам человека постановил, что режим массового перехвата сообщений в Соединенном Королевстве нарушает статью 8 Европейской конвенции о правах человека (право на уважение частной и семейной жизни/корреспонденции) из-за недостаточного надзора за отбором интернет-каналов для перехвата и фильтрации трафика и поиском и отбором перехваченных сообщений для анализа, а также по причине недостаточных гарантий в процессе отбора «соответствующих коммуникационных данных» для анализа¹⁵:

а) Суд постановил, что порядок получения данных сообщений от поставщиков услуг связи нарушает статью 8; и что процедуры массового перехвата сообщений и получения данных от поставщиков услуг связи нарушают статью 10 Конвенции из-за недостатка гарантий конфиденциальности журналистских материалов;

б) Суд также установил, что режим обмена оперативными данными с иностранными правительствами не нарушает ни статью 8, ни статью 10.

43. Хотя это решение касалось прежних законодательных основ ведения слежки в Соединенном Королевстве, его выводы являются весьма важными и были доведены до сведения государств-членов, с тем чтобы они могли оценить свою практику и нормативную базу.

44. Это судебное дело подчеркивает важность наличия подробных и действенных гарантий, как правовых, так и процессуальных, во внутреннем законодательстве и в практике работы спецслужб и органов, осуществляющих надзор за их деятельностью.

¹² Submission by the Special Rapporteur to the Australian Joint Parliamentary Committee Intelligence and Security, No. 81. 2018, см. http://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Joint/Intelligence_and_Security/TelcoAmendmentBill2018/Report_1/section?id=committees%20frepo rtjnt%2024247%2026914.

¹³ См. www.ipco.org.uk/docs/IPCO%20Statement%20re%205%20oversight%20bodies.docx.

¹⁴ См. https://edpb.europa.eu/news/news_en.

¹⁵ European Court of Human Rights, First Section, *Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom*, application Nos. 58170/13, 62322/14 and 24960/15, judgment of 13 September 2018.

45. В ходе официального визита Специального докладчика в Германию в ноябре 2018 года состоялось обсуждение передовой практики массового перехвата трафика, а фонд «Новая ответственность» (Stiftung Neue Verantwortung)¹⁶ подготовил сборник примеров такой передовой практики в этой области (ноябрь 2018 года) (рекомендуется для рассмотрения государствами).

Рекомендации

46. Специальный докладчик рекомендует:

а) включение государствами-членами в свои национальные правовые системы стандартов и гарантий, изложенных в статье 11 Конвенции 108+, для защиты основного права на неприкосновенность частной жизни, в частности:

i) создание правовой определенности благодаря тому, что все без исключения меры вмешательства в частную жизнь даже в интересах национальной безопасности, обороны и общественной безопасности, а также предупреждения, расследования и уголовные преследования преступлений должны быть предусмотрены законодательством, являющимся предметом надлежащих публичных консультаций и парламентского контроля;

ii) установление критерия «необходимости и соразмерности в условиях демократического общества» в качестве ключевого критерия, который должны применять внутренние структуры разведывательных и правоохранительных органов в отношении любых мер вмешательства в частную жизнь и по которому действия таких учреждений будут оцениваться и контролироваться независимыми надзорными органами и судами в пределах их компетенции;

(iii) создание одного или нескольких независимых надзорных органов, наделенных законными полномочиями и обеспеченных государством необходимыми ресурсами для проведения эффективного обзора любой деятельности, связанной с вмешательством в частную жизнь со стороны специальных служб и правоохранительных органов;

б) принятие на вооружение принципа «обмен невозможен без надзора»¹⁷ в отношении любых персональных сведений, которыми обмениваются спецслужбы и правоохранительные органы как внутри страны, так и за ее пределами:

i) всем государствам-членам следует внести поправки в свое законодательство, с тем чтобы конкретно и недвусмысленно наделить свои независимые органы, на которые возложен надзор за деятельностью спецслужб, полномочиями контролировать обмен всеми персональными данными спецслужбами стран, на которые распространяются их полномочия;

ii) независимые надзорные органы как передающих, так и принимающих информацию государств, когда это возможно и целесообразно, должны иметь незамедлительный автоматизированный доступ к персональным данным, обмен

¹⁶ См. www.ohchr.org/Documents/Issues/Privacy/SR_Privacy/2019_HRC_Annex5_CompendiumBulkSurveillance.pdf.

¹⁷ Обмен персональными данными между спецслужбами разных государств осуществляется на регулярной основе, но не обязательно подлежит надзору со стороны независимых надзорных органов либо в направляющем, либо в принимающем государстве. Кроме того, некоторые законодательные акты реально препятствуют такому надзору или даже консультациям по этому вопросу между независимыми надзорными органами в направляющих и принимающих государствах. Государствам рекомендуется внести поправки в свое законодательство, с тем чтобы наделить свои независимые надзорные органы правом консультироваться с независимыми надзорными органами других государств и вне зависимости от того, находятся ли эти органы в принимающем или направляющем данные государство, контролировать все случаи обмена данными с другим государством, в том числе необработанными персональными данными или личными данными, используемыми в материалах спецслужб. Оба вида персональных данных являются предметом обмена между спецслужбами и правоохранительными органами, и обмен и теми, и другими должен подлежать независимому надзору как в направляющих, так и в принимающих государствах.

которыми осуществляется между спецслужбами и/или правоохранительными органами соответствующих государств;

iii) всем государствам-членам следует внести поправки в свое законодательство, с тем чтобы наделить свои национальные и государственные органы, осуществляющие надзор за деятельностью спецслужб, законными полномочиями обмениваться информацией, консультироваться и обсуждать оптимальные методы работы с надзорными органами тех государств, которым спецслужбы их собственных государств передают личные данные или с которыми они обмениваются ими иным образом;

(iv) когда спецслужбы передают третьему государству или группе государств аналитические материалы, содержащие персональные данные или сведения личного характера в иной форме, которые были получены от другого государства, такой обмен должен подлежать тщательной проверке со стороны надзорных органов этих государств.

47. Компетентным органам государств-членов, намеревающимся воспользоваться полномочиями для ведения массовой слежки, следует сначала изучить, а затем сделать для себя приоритетными и принять на вооружение в максимально возможной степени примеры передовой практики, рекомендованные в подборке фонда «Новая ответственность»¹⁸, в дополнение к критериям ведения такой слежки и гарантиям, которыми она должна обставляться, прописанным в решении Европейского суда по правам человека в деле *«Биг бразер уотч» и др.*, принятом в сентябре 2018 года.

IV. Право на неприкосновенность частной жизни: гендерная перспектива

48. Совет по правам человека в своей резолюции 34/7 и Генеральная Ассамблея в своей резолюции 71/199 призвали государства «продолжать разрабатывать или применять в этой связи превентивные меры и средства правовой защиты в связи с нарушениями и ущемлениями права на неприкосновенность частной жизни в цифровой век, которые могут затрагивать всех лиц, в том числе в тех случаях, когда это имеет особые последствия для женщин, а также для детей и лиц, находящихся в уязвимом положении, или маргинализированных групп».

49. В 1994 году Комитет по правам человека в деле *Тунен против Австралии* признал нарушением права на неприкосновенность частной жизни уголовное преследование совершеннолетних за однополые отношения по обоюдному согласию. В 2017 году Комитет вновь заявил, что право на неприкосновенность частной жизни касается и гендерной идентичности (CCPR/C/119/D/2172/2012, пункт 7.2).

50. Хотя право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным, оно имеет важнейшее значение для свободного развития личности и самобытности человека. Это право вытекает из присущего человеку достоинства и обуславливает его и способствует осуществлению и реализации других прав человека¹⁹. Это право не ограничивается публичной сферой.

51. Право на неприкосновенность частной жизни как необходимое предварительное условие защиты основных ценностей, включая свободу, достоинство, равенство и свободу от вмешательства государства, является важнейшим

¹⁸ Thorsten Wetzling and Kilian Vieth, *Upping the Ante on Bulk Surveillance: An International Compendium of Good Legal Safeguards and Oversight Innovations*, Publication Series on Democracy, vol. 50 (Berlin, Heinrich Böll Stiftung, 2018).

¹⁹ Генеральная Ассамблея, Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по правам человека и мандатарии специальных процедур признали неприкосновенность частной жизни тем правом, которое открывает возможности для осуществления других прав. См. резолюцию 68/167 Генеральной Ассамблеи, A/HRC/13/37, и резолюцию 20/8 Совета по правам человека.

компонентом демократического общества и требует надежной защиты²⁰. Совет по правам человека принял резолюции, в которых подчеркивается взаимозависимый и взаимоукрепляющий характер демократии и прав человека²¹.

52. Специальный докладчик учитывает гендерную проблематику во всех видах деятельности, осуществляемой им в рамках своего мандата²². После трех успешных региональных консультаций на тему «Конфиденциальность, личность и информационные потоки» была проведена онлайн-консультация под названием «Гендерные проблемы, возникающие в цифровую эпоху, и их воздействие на женщин, мужчин и лиц, имеющих разную сексуальную ориентацию, гендерную идентичность, гендерное самовыражение и половые характеристики».

53. Первый доклад по тематическому направлению деятельности, касающемуся неприкосновенности частной жизни и развития личности, вместе с дополнительными исследованиями²³ в полном объеме вошел в подборку материалов, полученных Специальным докладчиком. Помимо рекомендаций, эта подборка не обязательно отражает точку зрения ее основного автора, Элизабет Кумбс, председателя Целевой группы по вопросам неприкосновенности частной жизни и развития личности, а также Специального докладчика.

Тематическое направление деятельности, касающееся неприкосновенности частной жизни и развития личности

54. В материалах по этой теме, полученных Специальным докладчиком, содержится призыв к проведению межсекторального анализа экономических сил, классовой, религиозной, расовой и половой составляющих в целях выявления областей, представляющих интерес вне рамок основных сфер деятельности²⁴, и признания взаимозависимости между правом на неприкосновенность частной жизни и демократией²⁵.

55. Сообщалось, что на опыт использования цифровых технологий и неприкосновенность частной жизни людей влияет их пол, а также такие факторы, как этническая принадлежность, культура, раса, возраст, социальное происхождение, уровень благосостояния, экономическая самодостаточность, образование, правовые и политические рамки²⁶. Было отмечено, что право на неприкосновенность частной жизни имеет особое значение для тех, кто сталкивается с неравенством, дискриминацией или маргинализацией по признаку пола, сексуальной ориентации, гендерной идентичности, половых характеристик или самовыражения. Интернет благодаря своему охвату и относительной анонимности открыл новые каналы для взаимодействия и взаимной поддержки лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров, квиров и интерсексуалов (ЛГБТКИ).

56. В представленных материалах признается, что цифровые технологии оказывают значительное влияние на неприкосновенность частной жизни, обогащая опыт нецифрового мира. Утверждается, что блага цифровых технологий распределяются неравномерно в силу структурного неравенства и дискриминационных гендерных норм, которые в первую очередь сказываются на женщинах, полисексуалах и трансгендерах, бедных слоях населения и религиозных или культурных меньшинствах. Женоненавистничество²⁷ и общее оскорбительное

²⁰ Daniel Therrien, Canadian Privacy Commissioner, Submission to Innovation, Science and Economic Development Canada's national digital and data consultations, 23 November 2018.

²¹ Резолюции 19/36 и 28/14 о правах человека, демократии и верховенстве права.

²² См. www.ohchr.org/EN/Issues/Privacy/SR/Pages/SRPrivacyIndex.aspx.

²³ См. www.ohchr.org/Documents/Issues/Privacy/SR_Privacy/2019_HRC_Annex2_GenderReport.pdf.

²⁴ Например, Association for Progressive Communications submission, 2018.

²⁵ Например, Privacy Commissioner of Canada submission, 2018.

²⁶ Phoenix Strategic Perspectives, «2016 survey of Canadians on privacy», final report prepared for the Office of the Privacy Commissioner of Canada, December 2016.

²⁷ West Coast Women's Legal Education and Action Fund (LEAF), *#CyberMisogyny: Using and Strengthening Canadian Legal Responses to Gendered Hate and Harassment Online* (Vancouver, 2014).

отношение к полисексуалам в киберпространстве становятся возможными благодаря новым технологиям²⁸, имеющим несравнимо больший охват, устойчивость и воздействие, чем прежде.

57. В представленных материалах было выражено твердое мнение о том, что так быть не должно и что цифровые технологии могут обеспечить равенство в осуществлении права на неприкосновенность частной жизни.

58. В представленных материалах признаются не только преимущества интеллектуальных устройств, приложений, поисковых систем и платформ социальных сетей, но и их способность нарушать неприкосновенность частной жизни пользователей в зависимости от пола. Например, молодежь ЛГБТКИ чаще пользуется Интернетом для знакомства и общения в социальных сетях, чем сверстники, не относящиеся к ЛГБТКИ-сообществу, и чаще, чем они подвергается оскорблениям или притеснениям в Интернете (42% по сравнению с 15%)²⁹.

59. Несмотря на преимущества цифровых технологий³⁰, наибольшему риску подвергаются женщины, девочки, дети и представители ЛГБТКИ-сообщества³¹, в частности трансгендеры, активисты, учителя-геи, правозащитники, работники секс-индустрии и женщины-журналисты.

60. Представители ЛГБТКИ-сообщества могут также подвергаться специфическим рискам, например, принуждению к публичному признанию своей ориентации и злоупотреблениям, непосредственно связанным с их гендерной идентичностью³².

61. Было установлено, что в Канаде социальные сети не только помогают женщинам и девочкам налаживать социальные связи, но и насаждают социальные нормы в результате усиления коммерческого надзора, а также закрепляют существующие социальные нормы и активизируют надзор со стороны членов семьи и сверстников³³.

62. Сообщалось, что государственные и негосударственные субъекты используют фальшивые учетные записи в приложениях знакомств для ЛГБТИ и других социальных сетях, для того чтобы заманивать и задерживать мужчин-геев или подвергать их жестокому и унижающему достоинство обращению или шантажу³⁴.

63. Сообщалось, что средства массовой информации, включая новые СМИ, публикуют персональные данные представителей ЛГБТКИ-сообщества и правозащитников, подвергая риску их безопасность³⁵.

²⁸ Eastern European Coalition for LGBT+ Equality submission, «Gender perspectives on privacy in Eastern partnership countries and Russia», 2018; см. также www.ucl.ac.uk/steapp/research/themes/digital-policy-laboratory/gender-and-iot.

²⁹ David Brian Holt, «LGBTIQ teens - plugged in and unfiltered: how Internet filtering impairs construction of online communities, identity formation, and access to health information», 2009.

³⁰ Представленный материал (название не указано), 2018 год, со ссылкой на статью Valerie Horres, «Online and enabled: ways the Internet benefits and empowers women», *Interface: The Journal of Education, Community and Values*, vol. 10, No. 4 (2010).

³¹ 2018 submissions: Kazakhstan Feminist Initiative «Feminita»; Office for the Defense of Rights and Intersectionality; «Stimul» LGBT Group and Transgender Legal Defense Project (Russia); Richard Lusimbo; MPact Global Action for Gay Men's Health and Rights; Transgender Europe; Federatie van nederlandse verenigingen tot integratie van homoseksualiteit; и the International Lesbian, Gay, Bisexual, Trans and Intersex Association.

³² Gender Perspectives on Privacy in Eastern Partnership Countries and Russia by the Eastern European Coalition for LGBT+ Equality.

³³ Valerie Steeves, and Jane Bailey, «Living in the mirror: understanding young women's experiences with online social networking», in Emily van de Muelen and Robert Heynen, eds., *Expanding the Gaze: Gender and the Politics of Surveillance* (Toronto, University of Toronto Press, 2016). См. также <https://egirlsproject.ca/> and www.equalityproject.ca/.

³⁴ Kazakhstan Feminist Initiative «Feminita», submission, 2018.

³⁵ Там же.

64. Интернет не только создает современные истории, но и может беспрерывно воспроизводить случаи из доцифровой эпохи и связанные с ними нарушения неприкосновенности частной жизни³⁶.

65. В некоторых представленных материалах говорилось о признании гендерной идентичности, самостоятельности и физической неприкосновенности и тех форм, в которых они выражаются, и высказывалась обеспокоенность по поводу неадекватного обеспечения неприкосновенности частной жизни в контексте изменения имени и пола в удостоверяющих личность документах³⁷. Обычные повседневные действия, требующие предъявления удостоверений личности, например поездки, банковские операции и запись на прием к врачу, часто сопряжены для транссексуалов с вмешательством в частную жизнь, вызывающим чувство смущения и дискомфорта, которые не приходится испытывать лицам традиционных полов.

66. Европейский суд по правам человека признал, что некоторые государства нарушают статью 8 Европейской конвенции по правам человека, применяя такие процедуры признания пола, которые ущемляют право транссексуалов на неприкосновенность частной жизни³⁸.

67. Возможность получить в Интернете доступ к открытым архивам, судебным уведомлениям и решениям, касающимся гендерной идентичности, является проблемой с точки зрения неприкосновенности частной жизни, особенно с учетом потенциала больших массивов данных и поисковых систем³⁹.

68. Для интерсексуалов вторжение в частную жизнь может начаться буквально с рождения, с операции по смене пола и гормонального лечения для закрепления определенного пола. Превращение хирургических операций на младенцах-интерсексуалах в обычную практику может отразиться на правах человека, в том числе на праве на неприкосновенность частной жизни, поскольку такие операции нарушают право на самостоятельный выбор/самоопределение в вопросах оказания медицинских услуг. Утверждается, что страны реагируют на это по-разному⁴⁰.

69. В материалах, представленных в том числе Специальным докладчиком по вопросу о насилии в отношении женщин, упоминается о растущем объеме международных, региональных и национальных исследований по проблеме гендерного насилия в цифровой сфере.

70. Цифровые технологии и «умные» устройства предоставляют практически безграничные возможности для преследования и контроля других людей⁴¹. Проблема насилия с использованием технологий включает в себя такие аспекты, как гендерное неравенство, сексуальное насилие, регулирование Интернета, анонимность Интернета и неприкосновенность частной жизни (см. A/HRC/38/47).

71. Феномен злоупотребления изображениями или «порноместь» — распространение личных сексуальных изображений и записей человека без его согласия с целью причинения ему вреда — широко известен как одна из форм злоупотреблений в Интернете. Исследования, проведенные в Австралии, показали, что мужчины и женщины в равной степени рискуют оказаться жертвами таких злоупотреблений, причем для людей, идентифицированных как лесбиянки, геи или бисексуалы, такой риск выше (36%), чем для гетеросексуалов (21%)⁴².

³⁶ Osgoode School of Law, confidential submission, December 2018.

³⁷ Eastern European Coalition for LGBT+ Equality submission, 2018.

³⁸ European Court of Human Rights, Second Section, *L. v. Lithuania*, application No. 27527/03, final judgment of 31 March 2008; European Court of Human Rights, Fifth Section, *A.P., Garçon and Nicot v. France*, application Nos. 79885/12, 52471/13 and 52596/13, judgment of 6 April 2017.

³⁹ Kazakhstan Feminist Initiative «Feminita» submission, 2018.

⁴⁰ Susan Miller, «California becomes first state to condemn intersex surgeries on children», *USA Today*, 28 August 2018.

⁴¹ Dejusticia submission, September 2018.

⁴² Nicola Henry, Anastasia Powell and Asher Flynn, «Not just "revenge pornography": Australians' experiences of image-based abuse», May 2017.

72. Бытовое насилие все чаще совершается с использованием в отношении женщин и иждивенцев⁴³ «умных» домашних устройств, которые открывают новые возможности для вмешательства в частную жизнь, ограничения самостоятельности и возможностей самоопределения в семье⁴⁴ или в общении⁴⁵. Иногда правовая защита оказывается недостаточной⁴⁶, а полиция не обеспечивает соблюдение закона в случае нарушений⁴⁷.

73. Женоненавистничество в киберпространстве проявляется на цифровых платформах⁴⁸. Утверждается, что «Твиттер» является основной платформой для человеконенавистнической пропаганды, направленной против женщин, и распространения сексуального контента, в то время как «Фейсбук» сталкивается наибольшим числом нападков на женщин, отстаивающих свои права⁴⁹.

74. Жертвами вторжения в частную жизнь и насилия в Интернете чаще становятся мужчины, которые не соответствуют традиционным мужским стереотипам, а также лесбиянки, геи и бисексуалы⁵⁰.

75. Гендерный характер проблемы вмешательства в частную жизнь также сказывается на осуществлении других прав. Например, женщины также подвергаются цензуре в Интернете и профилированию в рамках кампаний, направленных против женщин-активисток и журналистов⁵¹.

Тематическое направление деятельности, касающееся неприкосновенности частной жизни и слежки

76. Слежка, если она не является законной, соразмерной и необходимой, представляет собой нарушение права человека на неприкосновенность частной жизни. Пол, раса, класс, социальное происхождение, религия, взгляды и их выражение могут стать факторами, определяющими, за кем ведется наблюдение в обществе, и повышающими вероятность нарушения права на неприкосновенность частной жизни некоторых лиц⁵².

77. В ряде стран гендерное неравенство проявляется в более интенсивной слежке за теми, кто идентифицирует себя в качестве членов групп ЛГБТКИ⁵³. Слежка со стороны государства за деятельностью ЛГБТКИ-сообщества в некоторых странах облегчается законодательно. В качестве примера можно привести Закон о борьбе с киберпреступностью, принятый в Египте в 2018 году⁵⁴.

78. Хотя заявляется, что слежка со стороны государства в целом ориентирована на мужчин⁵⁵, меры по борьбе с терроризмом, как утверждается,

⁴³ Makda Ghebreslassie, «"Stalked within your own home": woman says abusive ex used smart home technology against her», CBC News, 1 November 2018; Nellie Bowles «Thermostats, locks and lights: digital tools of domestic abuse», *New York Times*, 23 June 2018.

⁴⁴ Bowles, «Thermostats, locks and lights».

⁴⁵ Corinne Lysandra Mason and Shoshana Magnet, «Surveillance studies and violence against women», *Surveillance and Society*, vol. 10, No. 2 (2012); Association for Progressive Communications submission.

⁴⁶ Bowles, «Thermostats, locks and lights».

⁴⁷ Al-Alosi Hadeel, «Cyber-violence: digital abuse in the context of domestic violence», *University of South Wales Law Journal*, vol. 40, No. 4 (2017).

⁴⁸ West Coast LEAF, #CyberMisogyny.

⁴⁹ Women's Institute of Mexico City and Association for Progressive Communications submissions, 2018.

⁵⁰ Irish Council for Civil Liberties.

⁵¹ Dejusticia submission, 2018.

⁵² Mary Anne Franks, «Democratic surveillance», *Harvard Journal of Law and Technology*, vol. 30, No. 2 (Spring 2017).

⁵³ Association for Progressive Communications submission, 2018.

⁵⁴ Joint International submission, 2018; См. также George Sadek, «Egypt: President ratifies Anti-Cybercrime Law», *Global Legal Monitor*, 5 October 2018.

⁵⁵ Privacy International 2017.

несоразмерно затрагивают женщин и трансгендеров, ищущих убежища, беженцев и иммигрантов⁵⁶.

79. Женщины могут ожидать, что почти каждая деталь их интимной жизни будет подвергаться различным формам наблюдения со стороны как государства, так и частных субъектов – от бытового насилия до отношения к ним как к инструменту удовлетворения сексуальных потребностей и воспроизводства⁵⁷.

80. В настоящее время основные платформы дают возможность управлять идентификационными данными посредством онлайн-идентификации личности. Веб-сайты, приложения и службы сегодня требуют авторизации для входа и принимают идентификационные данные в качестве аутентичных после регистрации через учетные записи «Фейсбук» или «Гугл»⁵⁸. На долю «Фейсбук» приходится 60% такой регистрации⁵⁹, которая открывает доступ к огромному объему информации для составления профилей, позволяя получить представление о поведении отдельных лиц, семей, групп и общин, в которых гендерные характеристики являются одной из переменных.

Тематическое направление деятельности, касающееся больших массивов данных и открытых данных

81. Рост масштабов сбора, хранения и использования данных повысил вероятность нарушения требований конфиденциальности, что которое может иметь разные последствия в зависимости от пола жертвы.

82. Обработка данных может быть сопряжена с предвзятым отношением к гендерным ролям и гендерной идентичности, в частности поскольку при моделировании данных для социальных мер акцент все чаще переносится с отдельных лиц на группы или общины⁶⁰.

83. Анализ данных, в результате которого выводы о лицах или группах лиц делаются в зависимости от их пола, что приводит к дискриминации, идет вразрез с правом прав человека.

Тематическое направление деятельности, касающееся медицинских данных

84. Особую озабоченность у представителей ЛГБТКИ-сообщества вызывает предание огласке без их согласия медицинских данных, в частности о наличии ВИЧ⁶¹. Например, было установлено, что приложение «Грайнд» имеет функцию слежения и передачи персональных данных, в том числе о ВИЧ-статусе пользователя, различным третьим сторонам⁶².

85. Было установлено, что конфиденциальность в сфере здравоохранения влияет на пользование медицинскими услугами со всеми вытекающими последствиями для личного и общественного здоровья.

86. Боязнь унижения или дискриминации по причине несоблюдения требований конфиденциальности может заставить трансгендеров не прибегать к медицинским услугам или ограничить их использование⁶³.

⁵⁶ Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом (A/64/211).

⁵⁷ Franks, «Democratic surveillance»; Association for Progressive Communications submission, 2018.

⁵⁸ «The Economist essay», *The Economist*, Christmas ed., 22 December 2018.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Khiara M. Bridges, *The Poverty of Privacy Rights* (Stanford University Press, 2017); David Lyon, ed., *Surveillance as Social Sorting: Privacy, Risk and Digital Discrimination* (London and New York, Routledge, 2003).

⁶¹ Kazakhstan Feminist Initiative «Feminita» submission, 2018.

⁶² Association for Progressive Communications submission, 2018.

⁶³ «New health care clinic for transgender people in pipeline», *Times of Malta*, 7 April 2018.

87. Нарушение права женщин на неприкосновенность частной жизни во время родов может стать серьезным сдерживающим фактором при обращении за медицинской помощью при последующих родах⁶⁴.

88. Такие технологии, как программа просмотра улиц компании «Гугл», могут влиять на обращение женщин за медицинской помощью из-за опасений быть опознанными при использовании определенных медицинских услуг⁶⁵.

Тематическое направление деятельности, касающееся использования персональных данных корпорациями

89. Ширится признание того, что частный сектор несет обязательства в рамках права прав человека, как это предусмотрено положениями по защите, соблюдению и восстановлению в правах, предложенными Специальным представителем Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях Джоном Рагги в 2008 году (A/HRC/8/5)⁶⁶.

90. Автоматизированные процессы принятия решений, используемые в цифровых платформах, могут отражаться на мужчинах и женщинах по-разному. По имеющимся сведениям, против компании «Фейсбук» продолжается судебный процесс по обвинению в том, что она якобы позволяла арендодателям и брокерам не размещать объявления по признаку пола пользователя⁶⁷.

91. Звучала обеспокоенность по поводу увеличения числа страниц и групп в социальных сетях, пропагандирующих насилие в отношении женщин, сексизм и вредные гендерные стереотипы, а также того, какое общественное давление требуется для того, чтобы добиться удаления таких страниц.

92. Сообщалось, что неизвестно, каким образом онлайн-платформы принимают решения после получения жалоб на насилие в Интернете; о каких типах и каком числе случаев сообщают страны; и какие меры предпринимаются в этой связи. Организация «Международная амнистия» пришла к выводу, что «Твиттер» не проводит надлежащего расследования сообщений о насилии и злоупотреблениях, и неоднократно призывала компанию публиковать «значимую информацию о сообщениях о насилии и злоупотреблениях в отношении женщин, а также других групп на платформе и о том, как они реагируют на них»⁶⁸.

93. В одном из представленных материалов сообщалось о позитивных мерах, принимаемых социальной сетью «Грайнд» для снижения масштабов злоупотреблений, направленных на «отлов» гомосексуалистов⁶⁹. Вместе с тем сообщается, что реакцией цифровых платформ («Фейсбук», «Твиттер», средства массовой информации и т. д.) на случаи насилия на гендерной почве в Интернете, как правило, остаются безнаказанность и непрозрачность и что жертвы чувствуют себя брошенными в беде⁷⁰.

94. Сообщения об ущербе, причиненном людям в результате технологических нарушений права на неприкосновенность частной жизни по признаку пола, включают, в частности, серьезные, хорошо задокументированные последствия мошенничества, потери работы и возможностей получения образования, ограничения свободы

⁶⁴ White Ribbon Alliance for Safe Motherhood, «Respectful maternity care: the Universal Rights of Childbearing Women Charter», 2011; и Meghan A. Bohren and others, «The mistreatment of women during childbirth in health facilities globally: a mixed-methods systematic review», *PLOS Medicine*, vol. 12, No. 6 (2015). Dejusticia and Association for Progressive Communications submissions.

⁶⁵ Melissa L. Davey, «Protect us from anti-abortion protesters, say women's clinics in WA», *Guardian*, 25 January 2018.

⁶⁶ Internet Rights and Principles Coalition, «The Charter of Human Rights and Principles for the Internet», 2014; Association for Progressive Communications submission, 2018.

⁶⁷ Consumer Policy Research Centre submission со ссылкой на статью «Money», CNN News, March 2018.

⁶⁸ См. <https://decoders.amnesty.org/projects/troll-patrol/findings>.

⁶⁹ Kazakhstan Feminist Initiative «Feminita» submission, 2018.

⁷⁰ Electronic Media cited in Dejusticia submission, 2018.

передвижения и свободы ассоциации, посягательства на родительские права, потери репутации и общего доверия, насилия (включая даже смерть) и тюремного заключения⁷¹.

95. Практика нарушения неприкосновенности частной жизни неоднородна; нарушения могут вести к росту домашнего насилия в отношении женщин и дискриминации в отношении ЛГБТКИ-сообщества⁷².

96. Вмешательство в частную жизнь является посягательством на саму человеческую личность и влечет за собой более серьезные социальные последствия. Крайние формы насилия и вмешательства в личную и семейную жизнь высокопоставленных женщин в Интернете не стимулируют девочек и женщин к участию в общественной жизни, тем самым подрывая право женщин на участие в государственных делах и влияя на репрезентативность демократических институтов⁷³.

97. В представленных материалах приводятся примеры передовой практики защиты неприкосновенности частной жизни с гендерной точки зрения, к которой относятся законодательные реформы; гендерно-нейтральные рамки политики, основанные на эмпирическом опыте; судебные решения; участие организаций гражданского общества и использование их опыта; местные программы защиты частной жизни, учитывающие гендерные особенности; образовательные ресурсы.

98. Отмечалось, что в Дополнительных принципах и обязательствах государств по применению международного права прав человека в отношении сексуальной ориентации, гендерной идентичности, гендерного самовыражения и половых характеристик в дополнение к Джокьякартским принципам закреплена передовая практика решения вопросов сексуальной ориентации и конфиденциальности гендерной идентичности⁷⁴.

V. Выводы

99. Всеобщая декларация прав человека призывает каждого человека и каждый орган общества поощрять и уважать права человека⁷⁵. Государства, компании, религиозные организации, гражданское общество, профессиональные организации и отдельные лица – все они призваны играть важную роль.

100. Уверенность людей в том, что они могут обмениваться идеями и собираться вместе, также имеет основополагающее значение для здоровья общества и демократии. Потеря личного пространства может привести к утрате такой уверенности, в том числе доверия к правительству и институтам, созданным для того, чтобы представлять интересы общества, и к отказу от участия в общественной жизни, что может негативно сказаться на представительных демократиях и подорвать их.

101. Хотя права на неприкосновенность частной жизни не бесплатны и не свободны от рисков для правительств, эти проблемы перевешиваются нашей коллективной заинтересованностью в демократии. Право на неприкосновенность частной жизни женщин, а также детей и лиц с разной сексуальной ориентацией, гендерной идентичностью, гендерным

⁷¹ Association for Progressive Communications Submission, 2018; N. Pushkarna and M.M. Ren, submission 2018; Office of the Privacy Commissioner of Canada, «Online reputation: what are they saying about me?», January 2016; case submissions to Transgender Europe; European Union Agency for Fundamental Rights, *Violence against Women: an EU-Wide Survey – Main Results* (Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2015).

⁷² Gay, Lesbian and Straight Education Network, *Out Online: The Experiences of Lesbian, Gay, Bisexual and Transgender Youth on the Internet* (New York, 2013), in joint international submission, 2018.

⁷³ Australian Women Against Violence Alliance submission, 2018.

⁷⁴ Joint CSO submission, 2018; Peter Micek and Denis Nolasco, «The gender of surveillance: how the world can work together for a safer Internet», Access Now, blog, 6 February 2018.

⁷⁵ Резолюция 217 A (III) Генеральной Ассамблеи, преамбула.

самовыражением и половыми характеристиками, имеет важнейшее значение в силу всех вышеизложенных причин, о которых сообщается в представленных материалах⁷⁶.

102. Нарушения неприкосновенности частной жизни по гендерному признаку являются системной формой отказа в правах человека; они являются дискриминационными по своему характеру и зачастую увековечивают неравенство в социальных, экономических, культурных и политических структурах.

103. Борьба с посягательствами на неприкосновенность частной жизни по гендерному признаку требует наличия соответствующих рамочных механизмов на международном, региональном и национальном уровнях.

104. Государства, предотвращая вторжение в частную жизнь по гендерному признаку, должны активно защищать ее неприкосновенность при разработке политики, проведении законодательных реформ, предоставлении услуг, принятии нормативных актов, оказании поддержки организациям гражданского общества, органам системы образования и трудоустройства населения, используя опыт женщин, мужчин, трансгендерных женщин и мужчин, интерсексуалов и других лиц, идентифицируемых вне рамок гендерной бинарности и цисгендерности.

105. Защита личной информации в Интернете должна стать приоритетной задачей благодаря принятию для стран, не являющихся участниками Общего регламента по защите данных, положений, не уступающих этому документу и даже превосходящих его. Гендерное равенство должно являться одним из ключевых соображений при разработке и обеспечении применения рамочных инструментов защиты неприкосновенности частной жизни.

106. Требуется прозрачность в отношении того, каким образом частные компании используют личные данные пользователей⁷⁷ и реагируют на сообщения об их неправомерном использовании в Интернете. Для того чтобы предлагаемые в Интернете продукты и платформы были более безопасными, социально ответственными и подотчетными, круг тех, кто определяет характер их использования, должен отличаться большим гендерным разнообразием.

VI. Сводные рекомендации

107. Что касается органов Организации Объединенных Наций, то все соответствующие специальные процедуры и другие механизмы Совета по правам человека и правозащитные договорные органы должны учитывать необходимость обеспечения гендерного равенства и неприкосновенности частной жизни при осуществлении своих соответствующих мандатов.

108. Государствам-членам рекомендуется:

а) взять на вооружение межсекторальный подход, признающий, что конкретные преимущества, опыт осуществления и угрозы для права на неприкосновенность частной жизни зависят от гендера, а также первостепенное значение принципов неприкосновенности частной жизни и прав человека;

б) провести оценку своих правовых инструментов предотвращения нарушений права на неприкосновенность частной жизни, совершаемых по гендерному признаку, и наказания за них, сопоставив их с соответствующими законами и договорами на глобальном, региональном и национальном уровнях;

⁷⁶ Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, *Born Free and Equal: Sexual Orientation and Gender Identity in International Human Rights Law* (New York and Geneva, 2012).

⁷⁷ Australian Competition and Consumer Commission, *Digital Platforms Inquiry: Preliminary Report* (Canberra, Australia, 2018).

с) разработать политику и нормативно-правовую базу, которые обеспечивали бы всестороннюю защиту в интересах использования и развития защищенных цифровых коммуникаций;

d) содействовать полноценному доступу к Интернету и преодолению гендерного разрыва в области цифровых технологий;

е) принять все необходимые законодательные, административные и другие меры для предотвращения и расследования случаев посягательства на неприкосновенность частной жизни, совершаемых по признаку пола, сексуальной ориентации или гендерной идентичности, и наказания виновных.

109. Корпорации должны осуществлять Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты», и избегать нарушения прав человека всех лиц, затрагиваемых их деятельностью, при эффективном учете ее гендерных последствий.

VII. Защита медицинских данных

110. В жизни каждого человека на первом месте стоит здоровье. Изменения в состоянии здоровья всегда подразумевают изменения в жизни, многие навсегда. Все мы в какой-то момент нашей жизни становимся пациентами. Возникают и такие ситуации, когда состояние нашего здоровья оказывает решающее влияние на нашу жизнь. Поэтому, когда речь идет о медицинской информации, у всех нас возникает вполне законный интерес в защите нашего достоинства и независимости в соответствии с самыми высокими стандартами.

111. Связь между пациентом как источником данных и медицинским работником носит весьма деликатный характер: пациенты по определению находятся в уязвимом положении. Ситуация может быть тягостной и опасной, чреватой последствиями, которые будут ощущаться на протяжении всей жизни. Роль медицинского работника предполагает наличие у него точной и полной информации о пациенте и возможностей ее использования в рамках стандартных и транспарентных процедур.

112. Защита пациентов (и их генетических родственников) в эти моменты экзистенциальной уязвимости на протяжении тысячелетий определяется правовыми и этическими соображениями и правилами. Такие принципы медицинской профессии, как обязанность соблюдать требования конфиденциальности, получать от пациента в полной мере осознанное согласие на лечение, надлежащим образом документировать ход лечения, а также наличие у пациента свободы выбора лечащего врача, являются одними из основополагающих результатов многовековых размышлений над тем, как наилучшим образом защитить права пациентов.

113. Любая медицинская ситуация генерирует персональные данные. Эти данные важны для лечения и должны обрабатываться в соответствии с самыми высокими правовыми и этическими стандартами. В результате перехода на цифровые технологии появляется все больше медицинских данных, которыми, по мере того как они будут становиться все более специализированными, будут все более активно обмениваться медицинские работники, от которых при этом потребуются шире сотрудничать в соответствии с самыми высокими стандартами качества.

114. Данные, обрабатываемые в медицинских целях, также важны для многих других заинтересованных сторон и для многих других целей, выходящих за рамки отношений между медицинским работником и пациентом, которые могут изменить его жизнь. Во-первых, пациент сам с полным на то основанием заинтересован в контроле этих данных и может дать согласие на их передачу во время и после лечения. Во-вторых, другие заинтересованные стороны, например родственники пациентов, учреждения, перед которыми пациент имеет обязательства, такие как органы социального обеспечения, страховые компании или работодатели, и другие стороны, интерес которых является более косвенным, в том числе медицинские исследователи

и широкая общественность, которые полагаются на эффективную и действенную систему здравоохранения, могут быть заинтересованы в получении доступа к этим данным.

115. Столкновение интересов и потребностей этих различных заинтересованных сторон ставит очень сложные правовые и этические вопросы.

Критические вопросы

Осознанное согласие

116. Как правило, пациенты имеют право согласиться на лечение после получения надлежащей информации о возможных рисках, побочных эффектах и альтернативных методах лечения. Процедура получения согласия на медицинское лечение и медицинские исследования является предметом строгого, детального и противоречивого регулирования.

117. Эти нормы регулирования еще не приведены в соответствие с требованиями к информации, предоставляемой субъектам данных, и с критериями признания обоснованного согласия в качестве правового основания для обработки данных. Критерии осознанного согласия часто являются расплывчатыми и противоречивыми.

118. У субъектов данных, столкнувшихся с различными процедурами получения согласия, может пойти кругом голова в тот момент, когда защита данных не является для них первоочередной заботой. Кроме того, они не всегда хотят или могут в полной мере понять все последствия различных видов согласия, которое они дают. Между согласием на проведение анализов, лечение, медицинские исследования и обработку данных не проводится четкой грани, и порядок его получения зачастую опирается на разные, а иногда, возможно, противоречивые нормы регулирования и контролируется разными надзорными органами. Это подвергает пациентов и их родственников серьезному стрессу, мешая им свободно давать свое осознанное согласие.

Вторичное использование для медицинских исследований

119. Собранные и обработанные персональные данные являются основой медицинского лечения. Затем они хранятся для целей документирования лечения, иногда в течение десятилетий. Эти данные часто могут также служить важным источником информации для медицинских исследований. Существуют важные этические аргументы, обосновывающие желательность и даже необходимость дальнейшего использования этих данных для проведения исследований в интересах улучшения лечения будущих поколений пациентов.

120. Цель исследований отличается от цели лечения, что требует иной правовой основы для обработки данных. Требования этой иной правовой основы весьма разнообразны и расплывчаты, поскольку многие основополагающие этические вопросы четко не описаны и не проанализированы. В частности, встает вопрос о том, требуется ли для такого вторичного использования данных новое осознанное согласие пациента и/или разрешения компетентного комитета по этике и/или надзорных органов. Встают также вопросы личной независимости, имеющие отношение к телесной неприкосновенности и ответственности за «общее благо».

121. Если заменять такое согласие другим юридическим основанием, потребуются предпринять новые шаги для защиты основных прав субъекта данных. Отсутствие международного законодательства по этому вопросу приводит к ситуациям, когда лечащие врачи нуждаются или считают, что они нуждаются в дополнительном осознанном согласии затрагиваемых пациентов – согласии, которое иногда уже не может быть получено по техническим или этическим причинам.

Вторичное использование для других целей

122. Медицинские данные имеют большое значение и для других целей, в частности для социального обеспечения, общественного здравоохранения, занятости и бизнеса. В национальных законах часто ничего не говорится об обработке данных для этих

целей, и неясно, являются ли эти цели оправданными с этической и юридической точек зрения и какое из этих вторичных видов использования должно основываться либо на осознанном согласии, либо на другой законной правовой основе. Принцип цели, который носит обязательный характер и требует, чтобы вторичное использование персональных данных могло осуществляться только в целях, совместимых с основной целью, часто либо игнорируется, либо нарушается.

123. Различия в законодательстве по этому вопросу становятся причиной регресса, когда государственным службам или даже коммерческим предприятиям, использующим персональные данные медицинского характера, легче всего работать там, где уровень защиты данных наиболее низок.

124. Защитить права субъектов данных – в частности, права на прозрачность, в том числе информации и доступа, – в этом случае довольно сложно, поскольку вторичное использование осуществляется неизвестными субъекту данных структурами и зачастую в неизвестных целях.

Право собственности на данные как альтернативное средство защиты

125. В связи с описанными выше ситуациями некоторые правове́ды (и даже законодатели) начали выступать за создание института собственности на данные, подобного праву интеллектуальной собственности, который должен частично снять трудности обмена персональными и неперсональными данными. Эти концепции имеют весьма спорную связь с существующими механизмами защиты данных и требуют четкого определения и обоснования с учетом прогнозов последствий с опорой на эмпирические данные. На сегодняшний день необходимая для этого доказательственная база и эмпирическая информация отсутствуют.

Отсутствие ясности в распределении обязанностей

126. Надзор в сфере медицинского лечения и исследований осуществляют регулирующие органы, в частности комитеты по этике, состоящие из экспертов и заинтересованных сторон, многие из которых не являются юристами и не обладают специальными знаниями в области защиты данных.

127. Однако многие из требований, сформулированных этими органами применительно к обработке данных для целей лечения и проведения исследований, связаны с защитой данных, например конкретные (и зачастую противоречивые) требования в отношении процедур получения согласия, информации, которая должна предоставляться пациенту/субъекту данных, права пациента знать и не знать, порядка отзыва согласия и т. д.

128. Регулятивная функция этих органов может противоречить правилам защиты данных, и их надзорная деятельность может препятствовать работе органов, осуществляющих надзор за защитой данных, и органов, которые несут исключительную ответственность за контроль соблюдения требований в области защиты данных, в том числе независимых должностных лиц и структур, отвечающих за защиту данных.

Отсутствие четкой сферы применения: персональные, псевдонимизированные и анонимные данные

129. основополагающий посыл, согласно которому законы о защите данных применяются только в тех случаях, когда данные являются персональными и принадлежат конкретному лицу, очень трудно применить в медицинских сценариях, поскольку медицинские данные редко можно сделать полностью анонимными. Таким образом, совершенно неясно, какая мера анонимизации является «достаточно хорошей», для того чтобы данные не попадали под действие законодательства о защите данных.

130. Эта проблема встает со всей остротой в связи с вопросом о том, должны ли медицинские данные учитываться в рамках инициатив по обеспечению открытого доступа к данным/открытых данных, которые требуют предания огласке (не носящих

персональный характер сведений). Те, кто несет ответственность за данные, обязаны, с одной стороны, держать данные под своим контролем для защиты анонимности, а с другой стороны, обеспечивать свободный доступ к ним с риском реидентификации владельца. Отсутствие ясности может на практике способствовать защите медицинских данных теми, в чьем ведении они находятся, дав им возможность – де-факто – решать, кто получит доступ к данным (анонимизированным тем или иным способом) и при каких условиях.

131. В своем докладе Генеральной Ассамблее за 2018 год Специальный докладчик недвусмысленно заявил, что чувствительные данные высокой размерности и уровня единичных записей о физических лицах не должны публиковаться в Интернете или передаваться без убедительных доказательств того, что была произведена их надежная деидентификация, которая защитит от реидентификации в будущем.

Невозможность переноса данных и их отсутствие в цифровом формате

132. Зачастую медицинские данные по-прежнему собираются в аналоговом формате. Анамнез часто является несистематическим и неполным, а диагноз может ставиться на основе неточных данных.

133. Перевод медицинских данных в цифровой формат, стандартизация форматов и процедур, а также минимальные критерии качества данных могут помочь как пациентам, так и медицинским работникам контролировать медицинские данные и ответственно использовать их.

134. Однако государства, как правило, стараются создавать свои собственные национальные электронные медицинские системы без участия граждан и медицинских работников, не заботясь об их стандартизации. Это делает невозможным перенос данных для пациентов и снижает их способность контролировать свои медицинские данные в отсутствие стандартизированных инструментов, обеспечивающих безопасное хранение и использование собственных медицинских данных по своим правилам.

Облачное хранение

135. Все больше и больше медицинской информации (как и любой другой информации) хранится в облачной среде. Это чревато многочисленными последствиями, в том числе возможностью трансграничной передачи персональных данных между конфликтующими юрисдикциями, отсутствием контроля со стороны пациентов и серьезными случаями утечки данных, которые могут затрагивать миллионы людей.

136. Минимальные требования к провайдерам облачных услуг, однако, не унифицированы, что является стимулом для работы в местах с низким уровнем защиты данных.

Престижные товары/нательные электронные устройства

137. Медицинские данные зачастую уже не связаны (напрямую) с заболеваниями и в настоящее время собираются в целях, совершенно не связанных с лечением или профилактикой заболеваний. В частности, приложения и гаджеты, связанные с конкретным образом жизни («нательные электронные устройства»), собирают значительный объем данных о здоровье с согласия или без согласия субъектов данных. Они становятся все более популярными, хотя правовая основа сбора данных и требования к их дальнейшему использованию четко не определены, минимальные стандарты прозрачности отсутствуют, а требование к сбору данных с обязательным указанием цели соблюдается недостаточно последовательно.

Защищенность и безопасность

138. Хотя медицинские данные являются очень чувствительными, а неисправности в устройствах, обрабатывающих такие данные, могут представлять потенциальную угрозу для жизни, четких и конкретных минимальных стандартов защищенности и

безопасности не существует. Следствием такого отсутствия защищенности и безопасности стал ряд инцидентов с серьезными последствиями для субъектов данных, которые оказались ими затронуты.

Уведомления об утечке данных, отсутствие прозрачности

139. Хотя утечки медицинских данных происходят на регулярной основе, не существует стандартов того, когда и как субъекты данных, а также широкая общественность должны информироваться о таких инцидентах. Ситуация недостаточно прозрачна и не соответствует стандартам подотчетности, на которые рассчитывает общество.

Доступ к правосудию

140. Несоблюдение законодательства о защите данных может иметь последствия, представляющие угрозу жизни субъектов данных. Однако с самого начала законодательство о защите данных не подкреплялось эффективными правоприменительными инструментами. Неясные правила, регулирующие компетенцию органов по защите данных, судов, омбудсменов, должностных лиц, отвечающих за защиту данных, и медицинских надзорных органов, а также неравномерное распределение информации и знаний и сложность нормативно-правовой базы очень затрудняют для субъектов данных обеспечение уважения своих прав.

141. Такое отсутствие правоприменения приводит к отсутствию доверия к медицинской системе, в частности в плане взаимоотношений между пациентом и медицинским работником, что может иметь пагубные последствия для каждого пациента. Поэтому минимальные стандарты, сформулированные на уровне Организации Объединенных Наций, приобретают в этой связи исключительно важное, стратегическое значение.

Последующие шаги

142. Специальный докладчик намерен сформулировать рекомендации по вопросу регулирования использования медицинских данных в целях улучшения защиты права на неприкосновенность частной жизни и защиты персональных данных, как того требуют статья 12 Всеобщей декларации прав человека и статья 17 Международного пакта о гражданских и политических правах.

143. В проекте руководства⁷⁸, содержащем руководящие принципы обработки медицинских данных, подчеркивается важность создания законных основ деятельности по обработке медицинских данных, охватывающих описанные выше вопросы. Цель руководства состоит в том, чтобы, во-первых, стать общей международной основой для разработки минимальных стандартов защиты медицинских данных на национальном уровне, и, во-вторых, служить ориентиром в ходе текущих дискуссий о том, как можно защитить право на неприкосновенность частной жизни в контексте медицинских данных, в сочетании с другими правами человека (такими как право на свободу слова, право на справедливое судебное разбирательство и право на защиту собственности) в условиях, когда обработка и распространение медицинских данных происходят в глобальном масштабе.

144. Проект руководства, в настоящее время находящийся у экспертов Целевой группы, был вынесен на рассмотрение общественности, с тем чтобы получить письменные замечания к 11 мая 2019 года, после чего 11–12 июня 2019 года в Страсбурге пройдет совещание заинтересованных общественных кругов. Государствам-членам, желающим принять участие в этом совещании, следует выразить свой интерес до 11 мая.

145. Окончательная рекомендация редакционной группы, составленная с учетом мнений заинтересованных сторон, в конце 2019 года будет представлена

⁷⁸ См. www.ohchr.org/Documents/Issues/Privacy/SR_Privacy/2019_HRC_Annex3_HealthData.pdf.

Специальному докладчику и включена в его ежегодный доклад Генеральной Ассамблее за 2019 год.

VIII. Неприкосновенность частной жизни: контрольные показатели

146. Специальный докладчик также проводит консультации по «Контрольным показателям неприкосновенности частной жизни»⁷⁹. Отдельным лицам, гражданскому обществу и правительствам предлагается направлять свои замечания и предложения до 30 июня 2019 года. Предполагается использовать такие контрольные показатели в качестве стандартного инструмента для изучения ситуации в ходе поездок в страны, как официальных, так и неофициальных.

⁷⁹ См. www.ohchr.org/Documents/Issues/Privacy/SR_Privacy/2019_HRC_Annex4_Metrics_for_Privacy.pdf.